

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

П.С. Гуревич

ЛИКИ ОБРАЗА

Аннотация. Нидерландский философ Бенедикт Спиноза считал, что все природные существа, разумные и неразумные, поступают по законам своей природы. Высший закон природы заключается в том, что каждая вещь стремится остаться в своем состоянии, и притом не считаясь ни с чем другим, а только с собой. Разумеется, камень не испытывает желания стать тучей или полноводной рекой. Тигр не мечтает стать львом, а кит – айсбергом. Более того, они изо всех хотят сохранить свое бытие. Это относится и к человеку. Только в сказках красавица превращается в лягушку, да и то не по своей воле. Впрочем, философ все же допускает некую вольность человека в этом законе природы. Он, разумеется, стремится сохранить свое бытие, которое определяет его существование и деятельность определенного рода. Правда, есть различия между людьми, но они проистекают от того, что человек обладает свободной волей. Стало быть, человек может изменить свой образ. Мужчина, как и женщина, способен отвергнуть свой пол, свою самоидентичность. Они бросают вызов природе, преобразуют свою телесность, что влечет за собой смену и социальных ролей. В печати сообщалось о мужчине, который, не желая платить алименты на воспитание ребенка, прошел через операцию по смене пола и в качестве женщины попытался сбросить с себя обязанности кормильца. Автор статьи пытается осветить суть этой проблемы, связанной с множеством ликов одного человеческого образа.

Ключевые слова: психология, образ, лик, идентичность, бытие, существование, свобода, персонификация, экран, образец.

Современные исследования позволяют значительно расширить представление об том, как человек использует внутренние ресурсы самоидентичности. Образы для подражания человек ищет в ближайшем окружении. Но оно так знакомо и подчас однообразно. Иное дело — экран. Здесь творится необычный, иногда эксцентричный образ, в котором зримо воплощаются мои собственные представления об естественности, нежности, глубине чувств. Вот, например, образ купринской колдуньи, созданный Мариной Влади (1955). Скуластая, с прозрачными глазами, она пронзила сердца миллионов людей. Образ так убедительно символизировал возвращение к естественности: вот она, босоногая, с распущенными по плечам белесыми прядями, настоящее дитя природы...

Человек стремится понять самого себя. Все его попытки найти в себе специфически человеческое свойство или дать автохарактеристику отражают, в конечном счете, действие механизма идентификации. Но это чувство весьма редкий феномен. Оно — удел избранных... Пожалуй, лишь чисто теоретически можно представить себе такую личность, которая проникла в ядро собственной субъективности, постигла себя, создала внутренне устойчивый образ своей индивидуальности.

Индивид живет в мире напряженных и противоречивых мотивов, стремлений и ожиданий. Ему постоянно нужна опора. Ему необходимо соотносить свое поведение с персонифицированным образом. Девочки играют в «дочки-матери». Это непреходящий, постоянно воспроизводимый ритуал игры. Идеал многих юношей персонифицировался в Джоне Ленноне. Пусть зыбкая, но мода. Партийный работник стремился уподобиться вышестоящему... Кавалькады рокеров... Неформалы со своей эмблематикой... Люди пытаются выразить себя опосредованно, через систему сложившихся ритуалов, стереотипов, готовых образов.

Нет, не сегодня сложилась эта потребность отыскать или сотворить себе кумира. Брижит Бардо — идеал французской молодежи 50-х годов. А что, собственно, в ней? «Конский хвост», основательно подведенные глаза с накладными ресницами, крупный, чуть капризный рот. Да разве дело в деталях? Кинозвезда, неизменная героиня многих (неравнозначных в художественном отношении) фильмов, инфантильная, притягательная, золотоволосая девушка. Этот кинообраз приобрел символический характер. Брижит Бардо рисовали во фригийском колпаке — эмблеме Франции. В журналах мод появились

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 11-03-00599а
«Проблема идентичности в современной культуре»

манекенщицы, копирующие ее позы, прическу. Грим под Брижит Бардо оказался в огромном спросе...

Или вот еще один образ из того же десятилетия. Мэрилин Монро — платиновая блондинка, секс-символ Голливуда. Тут уже и трагическая судьба, которая придала особый оттенок ее красоте... Не только подражание героине, но и размышление о человеческом долготерпении и страдании, что таятся порою под маской очаровательной соблазнительницы.

Вполне понятно, что в основе персонификации не только телесность, внешний облик, но и психологический тип личности. Например, В. Маканин открыл тип «барачного» человека, живущего между городом и деревней, принявшего невзыскательность быта за норму жизни, скученность и постоянные битвы с соседями за норму человеческих отношений. Или, скажем, тип разочарованного романтика 60-х годов («Один и одна»). А образ барда, рожденного песенной лирикой ушедших десятилетий? Тип «тургеневской девушки», долго служивший точкой отсчета для женских образов, созданных русской литературой...

Но оставим пока на время кумиров. Вернемся к Фромму. Пятая потребность человека из числа уже описанных заключается в стремлении к познанию, к освоению мира. Одно из глубоких интимных влечений личности — желание распознать логику окружающего мира, удовлетворить свое стремление к пониманию внутреннего смысла универсума. Человек восходит на костёр во имя истины.

Итак, человек тянется к познанию, к творчеству, к глубинности бытия, к общению, к постижению самого себя через других. Сущность всех этих потребностей можно выразить, пожалуй, обобщенной формулой, которая содержится у Маркса: «Постоянно выходить за свои пределы, достигать возможной полноты воплощения в индивидуальной форме родовой сущности»¹.

Однако в какой мере все эти рассуждения об антропологической природе человека важны для решения конкретных задач телевизионного общения? Не слишком ли отвлечены размышления о человеке в рамках философской антропологии, когда надо, предположим, из нескольких претендентов выбрать ведущего телепрограммы? В том-то и дело, что без мобилизации социально-философских, психологических характеристик возможности личностной подачи информации весьма ограничены. К тому же, как показывает опыт советского телевидения, даже негативные тенденции, находящие отражение в разрушении традиций персонифицированной информации, имели теоретически-директивное обоснование. Так что стоит сопоставить... Итак, теория против руководящего мнения...

В начале 70-х годов председатель Гостелерадио СССР С.Г. Лапин выступал с многочисленными заявлениями о том, что советскому телевидению не нужны телевизионные звезды. Советский диктор, журналист — выразитель официальной позиции, он не должен отвлекать внимание своими индивидуальными качествами.

Была проведена огромная комплексная работа по устранению индивидуальности. Там удаляли бороду, чтобы не отвлекала от общего пафоса культурного строительства, там лучистые глаза, чтобы не возникало посторонней мысли о женской привлекательности, там запретили международному комментатору появляться на экране не в мидовском пиджаке с галстуком. Побольше типичности, товарищи, в раскрытии советского образа жизни...

Сотри случайные черты... Постарайся обрести безличность, усредненность. Не в тебе суть. Твое достоинство — в посредственности. Чем ты безличнее, тем лучше воплощение. Умри в завизированном и предложенном тебе тексте. Растворись до самозабвения. Примерно об этом писали в свое время Ильф и Петров в фельетоне «Саванарыло». Там, кстати сказать, режиссеры увлеклись поисками пролетарской усредненной типажности. Красивая актриса для такой цели явно не годилась. У нее, в частности, улыбка такая, словно «мы еще увидим небо в алмазах». И потом она стройная, вот что плохо, как тополь. Ни к чему это... Ей и говорят вполне ответственно: «Какая вы обворожительная, что ли... Смотреть противно...».

Но все это делалось не кустарно, не ведомственно. Имелось и теоретическое обоснование. Сомневаетесь? Вот передо мной материалы Всесоюзной творческой конференции, которая проходила в Ленинграде в феврале 1972 г. Выступает на ней председатель Гостелерадио С.Г. Лапин: «Нельзя не отметить, что в некоторых работах телевидение рассматривается не как трибуна трудящихся, а преимущественно как журналистика личности, как область мыслящих журналистов, «телевизионных звезд». Нас хотят убедить, что самое важное на телевидении — это «наблюдать рождение журналиста»².

Сколько же тут иронии по поводу «журналистики личности», вообще этой якобы рождающейся области «мыслящих журналистов»! Все это, как говорится, от лукавого. Об этом заявляется недвусмысленно: «Полистайте книжки о телевидении, и вы убедитесь, что многое в них позаимствовано у Запада, некритические ссылки на буржуазные телевизионные авторитеты то и дело встречаются в этих изданиях»³.

Ну, разобрались теперь, откуда этот болезненный интерес к личности на экране? Так что же, человек дол-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Экономико-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 517.

² Тема рабочего класса в программах советского телевидения и радиовещания. М., 1972. С. 9.

³ Там же.

жен оставаться безмянной, функционирующей где-то за кадром единицей? И опять вы ошибаетесь. Телевидение обойдется не только без звезд, без журналистов, но и вообще без профессионалов. Главное, чтобы человек на экране успел показать свою взволнованность, одухотворенность и убежденность. И чтобы при этом были затронуты, как говорится, душевные струны. Если это достигнуто, можно считать, что удалось «снять напряжение и всячески помочь проявиться индивидуальности, самобытности». Такая, значит, была теория.

Читатель уже догадался: чем больше абстрактной взволнованности, тем глубже, стало быть, проявление индивидуальности. Вот, скажем, Юрий Левитан. Замечательный диктор, живая история советского, радиовещания. Человек — символ эпохи. Слушаешь его и представляешь не человека, а могучую государственность. Не индивидуальность, а некую обобщенную сущность. Эй вы, учитеесь, которые помоложе... Невдомек было теоретикам той поры, что Левитан — это тоже имидж. Парадокс-то в том, что голос, льющийся из репродуктора, вовсе не стирал индивидуальность, а воссоздавал ее по меркам эпохи. Стремясь воплотить некую абстракцию, Левитан тем не менее сотворил образ эпохи. По одним только записям сообщений прочитанных им, можно написать об идеалах тех лет. Персонифицированный имидж времени отражал идею могучего государства, торжественно шествующего от победы к победе.

Но вот кончилась война. Не всегда удавалось поддерживать пафос времени на этой величественной ноте. Хотелось, например, услышать голос, толкующий о простых, житейских делах. Укреплялся иной запрос на общение с радиослушателем, непринужденное, утепленное. Нечего ему, включившему репродуктор, кричать в ухо про посевную. Чай не город оставили фашистам на разграбление. Дело житейское... Зазвучали в эфире другие голоса. Другая мечта, как говорится, другие и кумиры...

Выходит, важно не только то, что говорится, но еще и то, кем говорится. Про первый космический полет пусть Левитан поведает. А про то, что на улицах Москвы появились первые цветы, ему лучше воздержаться... Не эпохальное свершение, а нечто согревающее душу. Пусть уж тут прожурчит нежный, свирельный голос Валентины Соловьевой.

Давно доказано, что любое ведомство производит не только циркуляры. Оно вырабатывает собственные стереотипы, особый навык мышления. В стенах иного департамента рождается такое сознание, которое, судя по всему, сделано из лучших сортов высоколегированной стали. И оно, это сознание, немедленно творит образ врага. Кто враг-то? Ясное дело, тот, кто не в нашем ведомстве, кто не разделяет наших трафаретов.

Совсем недавно услышалось снова: российскому телевидению не нужны звезды. Так и хочется приподнять шляпу и поприветствовать наследников, выпестованных некогда стереотипов. Давно уже изболочен прежний руководитель, с работы снят, а параграф, им изобретенный, по-прежнему теснит дыхание продолжателей его дела. Сменивший Лапина председатель Гостелерадио на Пленуме ЦК объяснял: если бы он не оказался в больнице, режиссер, сказавший нечто в прямом эфире, не смог бы произнести некий текст. Понимать это надо так: подскочил бы председатель к выступающему и не позволил бы нести крамолу. Тоже ведомственная логика.

А ведь играем в эти игры...

Один телевизионный критик позволил себе высказать собственное мнение относительно некоторых телефильмов. И тут ему немедленно в центральной газете навесили, как выражались Ильф и Петров, критические серьги. Кто навесил-то? Крупный чиновник Гостелерадио. Речь шла о телефильме «Кавказский пленник по Л. Толстому. Убегает, значит, Костылин из плена, догоняют его в пути. Но, слава богу, остался жив. И тут один из преследователей произносит фразу, которой у Толстого нет. Что-то вроде: молодец русский, джигит, мол... Разъясняет в газете чиновник: насколько, дескать, эта фраза углубила идейное содержание толстовской экранизации. Бедный Толстой! Не смог подняться до идеи признательности русскому народу со стороны национальных меньшинств. Все это она, ведомственная логика. Тут тебя сразу приговорят к смертной казни через дискредитацию.

С этими мыслями о ведомственном сознании перелистаем книгу В. Саппака «Телевидение и мы»⁴. Замечательный автор. Не пророк, но, право, сколько убедительности, пронизательности в его суждениях. Возможно, и были в его книге наблюдения, отмеченные субъективностью вкуса. Но впросак он ни разу не попал.

Высказывал критические замечания о ведущей «Музыкального киоска» Элеоноре Беляевой. Пренебрегли... В нашем ведомстве совсем иные оценки. Вон, какую почту получает «Музыкальный киоск». И говорить про Беляеву следует только так: «очаровательная хозяйка «Музыкального киоска». И Светлана Виноградова, музыковед, тоже очень знающий специалист. Нам эмоции нужны не меньше, чем Гоголи и Щедрины.

И вот парадокс. Не всех критиковал Саппак. Кому сказал доброе слово, тому тоже кое в чем обернулось это лихом. Разве мог полагать исследователь, что его оценки сыграют роковую роль в чьей-то судьбе? Он ведь рассчитывал на взаимопонимание: на то, что его впечатления касаются определенной стадии развития телевидения. Вот, мол, повод для раздумья, для прогнозов. А иные,

⁴ Саппак В. Телевидение и мы. М., 1963. С. 51.

узнав, что у них есть очарование, начали усиленно демонстрировать его. Как говорил Н.И. Бухарин, стали тянуть дерево за верхушку, чтобы быстрее росло...

Саппак рассчитывал на свойственное нам чувство юмора, на умение постигать относительность оценок. Кстати, я лично вовсе не против ведомств. В глубине души понимаю руководителей, работавших в застойные годы. Но все-таки хорошо бы осознавать, что похвальное слово не звание, которым можно увенчать навечно.

Если бы меня спросили, рассуждает Саппак, что более всего другого интересно мне на телевидении, я бы, не задумываясь, ответил: диктор Валентина Леонтьева. Почему? «Можно ответить просто: молодая, обаятельная женщина — для диктора телевидения это, видимо, «профессиональное» качество; естественно, каждый раз вы с доброй улыбкой встречаете и провожаете ее». И далее Саппак делает вывод: современный характер облика — вот, пожалуй, то первое, что делает Леонтьеву столь органичной на экране.

Современный характер облика — неплохо сказано. Но ведь и обязывает. Современность имеет свойство становиться прошлым. Значит, надо поспевать. Это

совсем нетрудно, когда есть такие качества. Какие? А вот умение улавливать настроения и ожидания зрителя, ощущать собеседника. Все это и помогает Леонтьевой обрести ту свободу, тот «импровизационный» характер поведения перед объективом, который составляет важнейшие черты ее работы и облика.

Не дожил Саппак до истинного триумфа этой женщины. Много и плодотворно работала она на телевидении. Подтвердила свои высокие профессиональные качества. Получила звание народной артистки. Но кое-что все-таки добавилось к ее имиджу. Родилось ощущение собственной значимости. Раскованность кое-что в чем стала штампом. А умный и восприимчивый собеседник потускнел, размылся.

Чрезмерная серьезность, патетичность передачи «От всей души» довольно быстро «задавили» живость, пленительность новизны и задушевности. Не станит ничего оспаривать. Валентина Леонтьева — один из паролей советского телевидения. Но неужели никто не обратил внимания на то, что любая персонификация — это живой образ, проходящей проверку на прочность? Ведь потребность человека в идентичности динамична, требует постоянных коррекций.

Список литературы:

1. Гуревич П.С. Философская интерпретация человека. М., 2013.
2. Джеймс У. Психология личности. Тексты. М., 1982.
3. История зарубежной психологии 30-60 г. Тексты. М., 1986.
4. Соловьев Э. Биографический анализ как вид историко-философского исследования // Вопросы философии. 1981. № 9. С. 132-145.
5. Саппак В. Телевидение и мы. М., 1963.
6. Социальная идентификация личности. Кн. 1, 2. М., 1994.
7. Эриксон Э. Детство и общество. СПб, 1996.
8. Юнг К. Психологические типы. М., 1996.
9. Erikson E. Identity. Youth and Crisis. N.Y., 1968.

References (transliteration):

1. Gurevich P.S. Filosofskaya interpretaciya cheloveka. M., 2013.
2. Dzheymys U. Psihologiya lichnosti. Teksty. M., 1982.
3. Istoriya zarubezhnoy psihologii 30-60 g. Teksty. M., 1986.
4. Solov'ev E. Biograficheskiy analiz kak vid istoriko-filosofskogo issledovaniya // Voprosy filosofii. 1981. № 9. S. 132-145.
5. Sappak V. Televidenie i my. M., 1963.
6. Social'naya identifikaciya lichnosti. Kn. 1, 2. M., 1994.
7. Erikson E. Detstvo i obschestvo. SPb, 1996.
8. Yung K. Psihologicheskie tipy. M., 1996.
9. Erikson E. Identity. Youth and Crisis. N.Y., 1968.